

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 165, 183 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

15 января 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.И.Мошкина,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин М.И.Мошкин, являющийся адвокатом, оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 165, регламентирующей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия и устанавливающей,

что после рассмотрения соответствующего ходатайства судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа;

статьи 183, которая определяет основания и порядок производства выемки и согласно которой при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка по правилам статьи 182 данного Кодекса (об обыске) с изъятиями, предусмотренными его статьей 183; выемка предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 данного Кодекса;

статьи 399 о порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, постановлением Домодедовского городского суда Московской области от 20 февраля 2014 года – с учетом исправления (уточнена дата его принятия), внесенного в порядке статьи 399 УПК Российской Федерации постановлением того же суда от 9 сентября 2014 года, – дознавателю в соответствии со статьями 165 и 183 данного Кодекса разрешено производство выемки в некоммерческом партнерстве «Подольская городская коллегия адвокатов» документов с целью установления лиц, с которыми заключено соглашение о представлении М.И.Мошкиным интересов коммерческой организации в правоохранительных органах, а также всей документации по взаимоотношениям этих организации, адвоката и адвокатского образования. Основанием для обращения дознавателя в суд явилось то, что сведения, содержащиеся в данных документах, составляют адвокатскую тайну и их выемка производится по судебному решению. При этом в отношении самого М.И.Мошкина каких-либо подозрений или обвинений в совершении преступления не выдвигалось.

Выемка документов (приходно-кассового ордера, платежных поручений, восьми договоров об оказании юридических услуг) в помещении некоммерческого партнерства «Подольская городская коллегия адвокатов» произведена 5 марта 2014 года. 13 мая 2014 года апелляционная инстанция Московского областного суда оставила постановление суда первой инстанции без изменения. Постановлением судьи Московского областного суда от 6 октября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2015 года М.И.Мошкину отказано в передаче его жалоб на указанные решения для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции.

М.И.Мошкин утверждает, что взаимосвязанные положения статей 165 и 183 УПК Российской Федерации по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют судам разрешать производство следственных действий в помещении адвокатского образования, а органам предварительного расследования – производить выемку документов в таком помещении при отсутствии официальных подозрений или обвинений адвоката в совершении конкретного преступления. Нормы же статьи 399 данного Кодекса, по мнению заявителя, дают суду возможность в порядке, предусмотренном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, устранять недостатки судебного акта, а именно изменять дату вынесения этого акта, после его исполнения. Как полагает заявитель, оспариваемые статьи уголовно-процессуального закона противоречат статьям 46 и 47 Конституции Российской Федерации.

2. Конституционный Суд Российской Федерации в качестве предмета рассмотрения по делу, разрешая которое он вынес Постановление от 17 декабря 2015 года № 33-П, назвал пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертую статьи 165 и часть первую статьи 182 УПК Российской Федерации постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений решается вопрос о проведении обыска в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, и определяются объекты, подлежащие обнаружению и изъятию в ходе данного обыска, в

рамках уголовного дела, в котором подозреваемым, обвиняемым является доверитель адвоката. В названном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в случаях, предусмотренных пунктами 4–9, 10¹, 11 и 12 части второй его статьи 29, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве соответствующего следственного действия, о чем выносится постановление (часть первая статьи 165); рассмотрев ходатайство, судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа (часть четвертая статьи 165); основанием производства такого следственного действия, как обыск, является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (часть первая статьи 182).

Касаясь вопроса о проведении обыска в помещении, используемом для адвокатской деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 ноября 2005 года № 439-О сформулировал следующую правовую позицию: поскольку адвокатская тайна подлежит обеспечению и защите не только по уголовному делу, но и в связи с реализацией своих полномочий адвокатом, участвующим в качестве представителя в конституционном, гражданском и административном производстве, а также оказывающим гражданам и юридическим лицам консультативную помощь, федеральный законодатель – реализуя свои дискреционные полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «л» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и исходя из того, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства, перед другими федеральными законами не является безусловным, в том числе в случаях, когда в федеральном законе устанавливаются те или иные дополнительные

гарантии прав и свобод граждан, – был вправе осуществить соответствующее правовое регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Учитывая же, что данный Федеральный закон предусматривает охрану адвокатской тайны в случаях проведения обыска с целью обнаружения и изъятия материалов, которые могут содержать конфиденциальную информацию, его нормы и корреспондирующие им положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации составляют нормативное единство и подлежат применению во взаимосвязи.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что адвокатура действует на основе принципа законности (пункт 2 статьи 3), адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами (подпункт 1 пункта 1 статьи 7). Отсутствие гарантий конфиденциальности в отношениях адвоката и доверителя означало бы применительно к уголовному процессу возможность для одной из его сторон (стороны обвинения) беспрепятственно вторгаться в осуществление автономной деятельности другой стороны (подозреваемого, обвиняемого и его защитника), что искажало бы саму суть гарантированного статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Однако такие гарантии должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с носящими уголовно противоправный характер нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя (в частности, за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката), ни со стороны третьего лица.

Соответственно, не все сведения, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. Так, хотя согласно пункту 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий в отношении адвоката (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей, данное ограничение не распространяется на орудия преступления, на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством. В силу статьи 15 (часть 2) Конституции Российской Федерации не могут быть защищены режимом адвокатской тайны сведения, свидетельствующие о совершении уголовно наказуемых деяний, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому юридическая помощь оказывается, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката).

Под режим адвокатской тайны, следовательно, могут подпадать только те предметы и документы, которые получены или созданы адвокатом без нарушений уголовно противоправного характера, допущенных как им самим, так и его доверителем (в том числе преступлений против правосудия), поскольку иначе ставился бы под сомнение правомерный характер их действий, создавались бы предпосылки для ограничений, обусловленных необходимостью защиты конституционно значимых ценностей в соответствии с требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Наличие же конкретных признаков преступления позволяет суду оценить достаточность оснований для санкционирования проведения следственного действия в целях обнаружения и изъятия предметов и документов, а сами отыскиваемые объекты – конкретизировать с

достаточной степенью определенности, с тем чтобы исключить как иные материалы адвокатского производства (включая документы, созданные адвокатом), связанные с делом, по которому адвокат оказывает доверителю юридическую помощь, так и материалы производств по другим делам.

Исходя из этого и с учетом имеющих прямое действие положений Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1), Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах общий запрет на истребование и получение от адвоката конфиденциальных сведений, связанных с оказанием им юридической помощи доверителю законными способами исключительно в интересах защиты его прав, предполагает, что во время обыска, который с разрешения суда органами, осуществляющими уголовное преследование, производится в отношении адвоката, не может иметь место исследование и принудительное изъятие материалов адвокатского производства, содержащих сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом, т.е. не связанные с нарушениями со стороны адвоката, его доверителя либо третьего лица, имеющими уголовно противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен. В противном случае значение адвокатской тайны, права на получение профессиональной юридической помощи, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, презумпции невиновности и права каждого не свидетельствовать против самого себя фактически обесценивалось бы.

Аналогичной точки зрения придерживается в своей практике и Европейский Суд по правам человека, полагающий, что постановление об обыске адвоката должно, насколько это возможно, обеспечивать ограничение его последствий разумными пределами (постановления от 9 декабря 2004 года по делу «Ван Россем (*Van Rossem*) против Бельгии» и от 22 мая 2008 года по делу «Илия Стефанов (*Iliya Stefanov*) против Болгарии»). Так, в деле «Колесниченко против России» Европейский Суд по правам человека

усмотрел нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в том, что судом следственному органу было разрешено «в общих и широких выражениях» провести обыски в жилище и конторе адвоката, во время этого обыска не соблюдались гарантии от вмешательства в профессиональные секреты, в результате эти секреты были затронуты в степени, не соразмерной какой бы то ни было преследуемой цели; исходя из того, что вмешательство в профессиональные секреты может иметь отрицательные последствия для надлежащего отправления правосудия и, следовательно, для прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в демократическом обществе проведение обыска в жилище и конторе адвоката без достаточных к тому оснований и при отсутствии гарантий от вмешательства в профессиональные секреты адвоката (который не подозревался в совершении какого-либо преступления, а являлся защитником обвиняемого по уголовному делу) не является необходимым, а значит, в данном случае имело место нарушение статьи 8 Конвенции (постановление от 9 апреля 2009 года). Этот вывод был подтвержден Европейским Судом по правам человека в ряде других его решений, в частности в постановлении от 12 февраля 2015 года по делу «Юдицкая и другие против России».

Проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только по судебному решению, отвечающему, как следует из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации, требованиям законности, обоснованности и мотивированности, – в нем должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Тем самым производство санкционированного судом обыска в отношении адвоката предполагает необходимость конкретизации в соответствующем судебном решении отыскиваемого объекта (предмета, документа), что позволяет исключить необоснованное исследование и изъятие (копирование) предметов, документов, не указанных в судебном решении, в частности содержащихся в материалах адвокатского производства, ведущегося (сформированного) адвокатом по делам других его клиентов, притом что правомерный характер образования (формирования) таких материалов презюмируется (действующее законодательство об адвокатуре не содержит прямого требования вести адвокатское производство, однако необходимость его ведения вытекает из пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также из пункта 9 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому материалы, входящие в состав адвокатского производства по делу, а также переписка адвоката с доверителем должны быть ясным и недвусмысленным образом обозначены как принадлежащие адвокату или исходящие от него).

Конкретизация судом отыскиваемого объекта предопределяет недопустимость изъятия следователем адвокатских производств в целом, применения видео-, фото- и иной фиксации данных просматриваемых материалов адвокатских производств, недопустимость изучения, а тем более оглашения, содержимого документов, имеющих реквизиты создания адвокатом или адвокатским образованием и не включенных судом, санкционировавшим обыск, в число объектов данного следственного действия. Обнаружение же у адвоката либо в помещении адвокатского образования объектов, хранение которых прямо запрещено законом, во всяком случае не исключает (предполагает) их изъятие.

Таким образом, в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в законодательстве Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормами международного права сформирован

процессуальный режим, в рамках которого – с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в данном Постановлении, – положения пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод эти положения по своему конституционно-правовому смыслу предполагают следующее:

обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т.е. материалы, не связанные непосредственно с совершенными в ходе производства по данному делу нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, имеющими уголовно противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона, или с другими преступлениями, совершенными третьими лицами;

в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

В целях обеспечения выполнения требований Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод федеральный законодатель вправе установить в законодательстве (уголовно-процессуальном, об адвокатской деятельности) дополнительные гарантии, исключаящие в ходе проведения обыска, при котором предполагается доступ к материалам адвокатских производств, возможность получения органами, осуществляющими предварительное расследование, сведений, составляющих охраняемую законом адвокатскую тайну, и тем самым – возможность ее использования в интересах уголовного преследования, в частности предусмотреть правовой механизм, позволяющий при проведении обыска в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) обеспечить дифференцированный подход к исследованию как материалов, которые содержат адвокатскую тайну и вследствие этого не должны быть доступны на данной стадии состязательного процесса государственным органам, представляющим сторону обвинения, и их должностным лицам (следователь, дознаватель), так и материалов, конфиденциальность которых не подлежит обеспечению законом в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П.

В силу пункта 7 части второй статьи 29 УПК Российской Федерации только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну. Данное требование обусловлено не особенностями проводимого следственного действия, а специфическим характером содержащейся в изымаемых предметах и документах информации. Судебное решение в подобных случаях принимается вне зависимости от того, оформляется их изъятие как результат выемки, производимой в порядке статьи 183 данного Кодекса, или как результат какого-либо иного следственного действия (включая обыск), направленного на обнаружение и изъятие именно таких

предметов и документов. При этом в силу предписания пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в определениях от 19 января 2005 года № 10-О и от 8 ноября 2005 года № 439-О, отсутствие в статье 182 УПК Российской Федерации, регламентирующей основания и порядок производства обыска, прямого указания на необходимость вынесения судебного решения о производстве обыска с целью изъятия предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, не означает, что ею устанавливается иная, нежели предусмотренный пунктом 7 части второй статьи 29 данного Кодекса, порядок изъятия материалов, составляющих адвокатскую тайну. Следовательно, правовой режим защиты адвокатской тайны в ходе изъятия предметов и документов во время обыска и во время выемки является единым, что позволяет распространить правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно статьи 182 УПК Российской Федерации в ее взаимосвязи с нормами об адвокатской тайне и на случаи оспаривания в том же аспекте конституционности статьи 183 данного Кодекса.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 33-П сохраняет свою силу, сформулированные в нем правовые позиции относительно охраны адвокатской тайны в ходе производства следственных действий, связанных с изъятием документов в помещении, используемом для осуществления адвокатской деятельности, являются обязательными для судов и иных правоприменителей.

Согласно пункту 3 статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения

к рассмотрению в случае, если по предмету обращения ранее им было вынесено постановление, сохраняющее свою силу. Предмет же обращения М.И.Мошкина, по сути, совпадает с предметом жалобы, которая уже была рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации в рамках конституционного судопроизводства.

Вместе с тем, поскольку жалоба М.И.Мошкина поступила в Конституционный Суд Российской Федерации до вынесения Постановления от 17 декабря 2015 года № 33-П, состоявшиеся в его деле судебные решения, основанные на положениях статей 165 и 183 УПК Российской Федерации и связанные с производством 5 марта 2014 года выемки документов (приходно-кассового ордера, платежных поручений, восьми договоров об оказании юридических услуг) в помещении некоммерческого партнерства «Подольская городская коллегия адвокатов», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Что же касается оспариваемой заявителем статьи 399 УПК Российской Федерации, то она лишь закрепляет порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, и не регламентирует оснований и содержания принимаемых по данным вопросам судебных решений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 года № 834-О, от 23 октября 2014 года № 2397-О и от 23 апреля 2015 года № 947-О), а потому не может расцениваться как нарушающая его права в указанном им аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Мошкина Михаила Игоревича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного

Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении Мошкина Михаила Игоревича на основании статей 165 и 183 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Определение окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 186-О